

СОДЕРЖАНИЕ

I. Мексиканцы, затерянные в Мексике (1975)	7
II. Дикie сыщики (1976—1996)	173
III. Пустыни Сoноры (1976)	713
Именной указатель	773
О переводчике	813

*Каролине Лопес и Лаутаро Боланьо,
которым повезло походить друг на друга*

— Вы хотите, чтобы Мексика была спасена? Вы хотите, чтобы Иисус был нашим королем?

— Нет.

Малькольм Лаури

**I. МЕКСИКАНЦЫ,
ЗАТЕРЯННЫЕ В МЕКСИКЕ (1975)**

2 ноября

Меня пригласили вступить в объединение висцерального реализма. Разумеется, я согласился. Церемонии посвящения не было. Что даже лучше.

3 ноября

Я не очень хорошо разбираюсь, в чём состоит висцеральный реализм. Мне семнадцать лет, зовут меня Хуан Гарсиа Мадэро, идёт первый семестр моего обучения на юридическом факультете. Поступать я хотел не на юридический, а на литфак, но дядя настоял, пришлось уступить. Я сирота. Стану адвокатом. Так я и сказал дяде и тёте, а потом заперся в комнате и проплакал всю ночь. Или бóльшую часть. А потом поступил на хвалёный юрфак, внешне смирился, однако уже через месяц записался к Хулио Сэсару Аламо в мастерскую поэтического творчества при факультете философии и литературы. Там-то я и познакомился с висцеральными реалистами, или с висцералистами, как они любят себя иногда называть. Пока сходил на занятия раза четыре. Ничего особенного там не происходит, хотя это как посмотреть, потому что всё время мы что-нибудь делаем, то есть читаем стихи, а Аламо, по настроению, их

то разносит, то хвалит. Один читает — Аламо критикует, потом другой читает — Аламо критикует, потом третий начнёт читать — и Аламо опять критикует. Иногда ему становится скучно, и он просит нас (тех, кто в этот момент не читает) тоже высказывать мнение, и тогда мы высказываем мнение, а Аламо читает газету.

Эта методика — лучшее средство, чтобы никто не нашёл там друзей или чтобы дружили лишь убогие с обиженными.

Кстати, нельзя сказать, чтобы Аламо был таким уж хорошим критиком, хотя об анализе текста твердит постоянно. Теперь мне уж кажется, он разглагольствует лишь бы поразглагольствовать. Что такое перифраз, он знал. Не очень твёрдо, но знал. А вот что такое пентаметр (который, как всем известно, в античной метрике соответствует пятистопному дактилю), он уже не знал. Как не знал, и что такое никаркео (одна из разновидностей фалесио), и что такое катрен (строфа, состоящая из четырёх стихов). Спрашивается, откуда мне это известно? Оттуда, что на самом первом занятии я совершил большую ошибку, у него об этом спросив. Не знаю, о чём я думал. Единственный мексиканский поэт, у которого такие вещи отскакивают от зубов, это Октавио Пас [1] (наш большой враг), остальные о них и понятия не имеют,— по крайней мере, так мне сообщил Улиес Лима через несколько минут после того, как по дружескому приглашению других членов я примкнул к висцеральному реализму. Такие вопросы, как я убедился, с моей стороны демонстрируют только бестактность. Поначалу я думал, что он улыбается мне с восхищением. Но потом понял,— скорее, не мне. Надо мной. Мексиканский поэт (как, по-видимому, вообще все поэты) терпеть не может, когда его тычут носом в собственное невежество. Но я не сдался, и после того, как на втором занятии он мне

убил пару стихотворений, спросил, знает ли он, что такое *риспетто*. Аламо тут же решил, что я требую *респектов* (меня, дескать, не уважают здесь как поэта), и принялся рассуждать о ценности объективной критики (в отличие от какой?), и что это такое минное поле, по которому, не подорвавшись, должен пройти каждый молодой поэт, и так далее, и так далее, но я не дал ему продолжить, пояснив, что ни разу за всю свою, правда короткую, жизнь не требовал уважения к моим скромным творениям, и заново сформулировал вопрос, выговаривая слова с максимальной чёткостью.

— Не гони тупту, Гарсиа Мадеро,— сказал Аламо.

— *Rispetto*, уважаемый мэтр, это разновидность лирической, точнее любовной, поэзии, близкая к страмботто, народной песне строфической формы по шесть или восемь стихов с одним или двумя двустигмными рефренами в конце строфы. Например,— и я приготовился привести один-два примера, но тут Аламо резко вскочил и положил конец дискуссии. Дальше какой-то туман (хотя я на память не жалуясь), помню только, что Аламо засмеялся, потом раздались ещё четыре-пять смешков товарищей по цеху, вероятно, обрадованных возможностью самоутвердиться за мой счёт.

Другой на моём месте больше ногой не ступил бы в такую творческую мастерскую, но, несмотря на осадок (точнее, провал, обоснованный всеми законами памяти), на следующей неделе я снова там был, со всей свойственной мне пунктуальностью.

Я считаю, что это судьба. Шло пятое занятие в творческой мастерской Аламо (впрочем, оно могло быть и восьмое, и девятое, ибо в конечном итоге, как я заметил, время сжимается и растягивается как угодно), в воздухе чувствовалось напряжение, переменные токи трагедии, хотя почему — неясно. Для начала мы оказались в полном составе,

все семеро подмастерьев, записавшихся на семинар. И все до единого как на иголках. Даже Аламо, обычно само спокойствие, не был похож на себя. На минуту я подумал, не стряслась ли какая-нибудь неизвестная мне заваруха в университете: перестрелка, забастовка, убили декана, взяли в заложники преподавателя философии, что-нибудь в этом роде, — но ничего не стряслось, и никто не имел ни единой причины сидеть как на иголках. То есть никто не имел объективной причины. Однако с поэзией (если она настоящая), стоит ей грянуть, всегда так. Она как ощущение в воздухе, говорят, есть такие животные, которые предчувствуют землетрясение (к ним относятся змеи, черви, крысы и некоторые из птиц). То, что было дальше, не поддаётся здравому смыслу, рискну даже назвать это чудом, хоть это и пшло. К нам пришли двое висцералистов, и Аламо скрепя сердце нам их представил, хотя лично знаком был с одним, о другом только слышал, а может быть, даже не слышал. Но, главное, он их пустил и представил.

Не знаю, чего они там потеряли. Их появление носило открыто военный характер, хотя и не без пропагандистских намерений, не без надежды пополнить ряды новобранцами. Сначала висцеральные реалисты держались тихо и скромно. В свою очередь, Аламо дипломатично затаился в ожидании дальнейшего развития событий, выдавая себя разве что лёгкой иронией. Мало-помалу, заметив их робость, он осмелел, и уже через полчаса семинар вошёл в обычное русло. Тут-то и началась баталия. Висцеральные реалисты стали высказывать отдельные замечания в адрес аламовской системы критики, а он их назвал сюрреалистами последнего разбора и лжемарксистами, причём пятеро членов семинара его поддержали — то есть практически все, кроме одного долговязого парня, который всегда ходил с книжкой Льюиса Кэрролла и никогда